

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-73-79>

Расследование преступлений в сфере экономики: рождение научной школы

Лубин Александр Федорович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ale-lubin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается первоначальный этап — рождение научной школы «Криминалистические средства обеспечения экономической безопасности России». Излагаются значимые признаки Школы, раскрываются научно-методологические задачи формирования модели механизма преступной деятельности. При этом утверждаются зависимости: 1) механизм преступной деятельности в сфере экономики зависит от среды функционирования; 2) методика расследования зависит от структуры и содержания криминалистической характеристики экономического преступления.

Ключевые слова: предмет криминалистики, научная школа, криминалистическая модель преступной деятельности, фазы развития преступной деятельности, способы создания «неучтенки»

Для цитирования: Лубин А. Ф. Расследование преступлений в сфере экономики: рождение научной школы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 73—79. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-73-79>.

Original article

Investigation of economic crimes: the birth of a scientific school

Alexander F. Lubin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ale-lubin@yandex.ru

Abstract. The article examines the initial stage — the birth of the scientific school "Criminalistics means of ensuring the economic security of Russia". The significant features of the School are stated, scientific and methodological tasks of forming a model of the mechanism of criminal activity are revealed. At the same time, the following dependencies are asserted: 1) the mechanism of criminal activity in the economic sphere depends on the environment of functioning; 2) the investigation methodology depends on the structure and content of the forensic characteristics of an economic crime.

Keywords: subject of criminology, scientific school, forensic model of criminal activity, phases of development of criminal activity, ways of creating "ignorance"

For citation: Lubin A. F. Investigation of economic crimes: the birth of a scientific school. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 73—79. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-73-79>.

В 1970-е годы в СССР вера в светлое коммунистическое завтра заметно поблекла. Стала угасать вера и в победу над криминалом. Тем более, что угрожающими темпами нарождалась организованная преступность, которой, согласно официальной идеологии, у нас в стране не существовало. Но реально появились

организации мафиозного типа, созданные для систематического преступного бизнеса в условиях коррупции. Теневое производство достигло огромных размеров. Резко возросло количество хищений. На фоне острого дефицита многих товаров «народного потребления» расцвела спекуляция. Денежные потоки из госбюджета

© Лубин А. Ф. 2021

перекачивались в подпольные цеха и даже фабрики. Появились «цеховики» — преступники в белых воротничках.

Наконец-то для отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) появился грандиозный фронт работ. Однако выяснилось, что воевать на этом фронте почти некому. Выпускники гражданских вузов — следователи и дознаватели — не были готовы работать в этой сфере. Тяжело признать, но стало совершенно ясно: только «экономические» следователи и оперативные работники методически и тактически грамотно могут расследовать экономические преступления. К ним особые требования в части квалификации — совершенное владение методиками и тактикой формирования системы доказательств и в дальнейшем представлении их в соответствующие инстанции, знание нормативно-правовой базы и экономики. Другим требованием выступает понимание тонкостей формирования понятного обвинения. Оно зачастую было недостаточно понятно представителям судебно-административной системы. Тем более оказалось, что при проведении расследования, как правило, приходится работать «with live systems» — в производственной системе, которую нельзя остановить. Для выполнения подобных задач необходимы отдельные человеческие ресурсы и их 100 % вовлечение в процесс расследования.

Наконец случилось то, что и должно случиться: 21 апреля 1972 года (во исполнение постановления Совета Министров СССР от 31 марта 1972 г. № 226 — 84) был издан приказ МВД СССР № 0214 от 21 апреля 1972 года «Об организации Горьковской высшей школы (далее — ГВШ) Министерства внутренних дел СССР по подготовке высококвалифицированных кадров для борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией». Иначе говоря, ГВШ МВД СССР стала головным специализированным вузом в стране по разработке криминалистических средств обеспечения экономической безопасности.

Самоосознание того, что рождается научная школа «Криминалистическое обеспечение экономической безопасности России», пришлось на 1987 год, который примечателен тремя событиями:

1) презентацией на международном методологическом семинаре в МГУ имени М. В. Ломоносова научно-педагогической (дидактической) концепции кафедры криминалистики Горьковской высшей школы МВД СССР (данная презентация явилась системообразующим пунктом семинара);

2) выходом в свет 3-х книг: Каминский М. К., Лубин А. Ф. Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС: Учеб. пособие. Горький: ГВШ МВД СССР. 1987; Лубин А. Ф. Взаимодействие следователя и оперуполномоченного ОБХСС со специалистами и экспертами при выявлении и расследовании хищений в РАПО. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987; Лубин А. Ф. Криминалистическая методика. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987;

3) созданием и апробацией алгоритма версионного стиля мышления, который воплощен в оригинальной «Карте версионного анализа информации и принятия решений».

При обсуждении научно-педагогической концепции возникла острая дискуссия. Хозяева семинара — профессора кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова категорически заявляли, что «каждое преступление индивидуально и неповторимо». Гости решительно возражали и аргументировали свою позицию сопоставимостью преступной деятельности со средой ее функционирования. Так, банковские аферы второй половины XIX века в России не имели аналогов в Советском Союзе до тех пор, пока снова не созрели условия для их осуществления в конце XX века в Российской Федерации. Одновременно некоторые мошенничества в кредитно-банковском деле современной России чрезвычайно стали напоминать трансфертные преступные операции бизнесменов США и других далеких государств [1, с. 384—390].

Самое слово «школа» как в русском, так и во многих европейских языках, носит следы греческого и латинского происхождения. Если иметь в виду греческое происхождение, то речь идет о досуге, свободе от физических занятий. Если брать латинские корни, то смысл уже иной. Во-первых, это «система образования, выучка, приобретённый опыт». Во-вторых, «направление в науке, литературе, искусстве, связанное единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов».

К латинскому толкованию, на наш взгляд, нужно добавить значимые признаки научной школы:

1) «допарадигмальная» («слепая», эмпирическая) стадия научного развития Школой должна быть уже пройдена;

2) основные постулаты, методологические схемы, теоретические представления и прикладные разработки, то есть суть парадигмы должны составлять содержание научного направления;

3) это содержание (или парадигма) существенным образом должно отличаться от иных направлений и научных школ;

4) парадигма научной Школы должна долговременно удерживать в своих рамках лидеров школы и последователей (наставников и учеников);

5) наличие парадигмы должно ускорять развитие школы за счет того, что каждый новый ученый-криминалист принимает какие-то ее основы без особых доказательств и идет дальше с того места, где остановился его предшественник.

Поскольку термин «парадигма» здесь ключевой, то уместно уточнить его значение. По Т. Куну, это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений». Далее упомянутый автор конкретизирует: «Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила и стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [2, с. 5].

Конечно, реальным воплощением «дидактической концепции» был и остается учебник. Тот самый «стандартный» учебник, в котором меняются авторы, издательства и годы, но содержание относительно стабильно. Устойчивы и недостатки. Во-первых, в таких учебниках существует явный крен в сторону общеуголовных преступлений. Даже сейчас, в довольно «свежем» и новаторском учебнике только одна глава (гл. 30, раздел IV) имеет название «Расследование экономических преступлений». Во-вторых, всякое расследование преступления, согласно этому же учебнику, начинается либо с обстоятельств, подлежащих установлению, либо с момента возбуждения уголовного дела, либо вообще со следственных действий [3, с. 704]. Ни то, ни другое, ни третье — в корне не верно. Верно, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, предстают в виде следствий из разработки версий, а процессуальные действия есть средства проверки этих версий. В-третьих, не верно и то, что значительная часть технико-криминалистических и тактико-методических рекомендаций предназначены исключительно для следователя (дознателя). Более того, по преступлениям в сфере экономики эти рекомендации, главным образом, следует адресовать субъектам оперативно-разыскной деятельности. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений (например, по экономической направленности)

не должна зависеть от формы деятельности, а должна быть универсальной. В действительности, подобной методике не существует.

Ситуация обычная для тех, кто начинает большой проект, когда нет научной и нет педагогической концепции — нет частной дидактики преподавания учебной дисциплины. Но у истоков Школы были те, кто понимал, что, если не хочешь, то это хуже, чем не можешь.

В 1995 году авторский коллектив кафедры криминалистики (тогда — Нижегородской высшей школы МВД России) смог подготовить и по решению УМЦ при ГУК МВД Российской Федерации напечатать специализированный (профильный) учебник «Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики», подготовленный под редакцией В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина в Нижегородской высшей школе МВД России.

В учебнике прослеживается следование устоявшимся подходам к предмету криминалистики в виде четырех типов закономерностей:

— функционирование преступной деятельности (закономерности механизма преступления);

— слепообразование (локализация, вид отображения, носители информации и ее относимость);

— установление следов (поиск, обнаружение, фиксация и изъятие);

— использования «следовой информации» для формирования системы доказательств по уголовному делу [4, с. 5].

Эти закономерности и положены в основу структуры учебника и его содержания. При этом впервые, во-первых, систематизировано представлены элементные и фазовые структуры криминалистической характеристики преступной деятельности в сфере экономики, во-вторых, изложены общие положения, характеризующие расследование экономических преступлений, в-третьих, предложены частные методики выявления и раскрытия фальшивомонетничества, взяточничества и коррупции, хищений в госсекторе экономики, финансовых и налоговых злоупотреблений, вымогательства, а также преступлений, совершаемых в этой сфере организованными группами.

Буквально через пару лет Школа поняла, что этот период криминалистических исследований преступной деятельности характеризуется методологическим переходом от «железного структурализма» в стиле модусов Этчерли—Фольмера—Якимова—Зуйкова к моделям, позволяющим выявить иерархические закономерности взаимосвязи факторов. Именно тогда

возникла необходимость в методологии исследования механизма преступной деятельности — установлении закономерностей исследования закономерностей.

Западная наука в лице Р. С. Чарльза, К. К. Нила, Т. Леонарда, П. Л. Кирка (R. S. Charles, C. C. Neil, T. Leonard, P. L. Kirk) и других созрела для переосмысления методологических подходов как к «полицейской технологии», так и к «технологии» преступной деятельности. Сложилась по сути кризисная ситуация, обусловленная «поверхностными» и «вульгарными» подходами исследования преступной деятельности.

Большой авторский коллектив одних из ведущих вузов, в том числе МВД СССР, в середине 70—х и начале 80-х годов попытался дать классификацию и факторную характеристику субъектов и способов подготовки, совершения и сокрытия хищений социалистической собственности. Как говорится, попытка засчитана. Однако не были решены основные проблемы — не выявлены и не дана оценка закономерным связям между элементами криминалистических характеристик хищений. Следует признать, была и соответствующая оговорка тех, кто этим непосредственно занимался (Н. А. Селиванов, Б. В. Коробейников, К. Ф. Скворцов, 1983 г.) — методология и результаты разработок приблизительны (публикации имеют ограничительный гриф).

Заслуживают внимания прикладные разработки Н. Б. Опарина, посвященные типизации способов хищений имущества в торговле и соответствующих действий по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию [5]. Однако им не была решена главная задача по проверке закономерностей факторных связей.

Для «костяка» Школы вызвало почти шоковое осознание того, что практики не столько «ленивы и не любопытны», сколько научный продукт «криминалистическая характеристика преступлений» является полуфабрикатом. Он не может удовлетворить запросы оперативных работников, следователей и дознавателей. Более того, криминалистическая наука не в состоянии улучшить этот продукт, ибо не знает, как это сделать.

Школа поняла: научные разработки в этом направлении принципиально не могут пойти дальше без решения исходных проблем в связи с типизацией версий. Основательность в разработке определяет комплексность в представлении типов ситуаций расследования преступлений, а значит, и типологии средств, тактики и цели доказывания.

То, что люди меняются — это иллюзия и заблуждение. Может меняться климат, власть и цифровые технологии, а люди остаются прежними, как и 1000 лет назад. «Сменяются декорации — от шумеров до социализма, сменяются мыслители, обосновывающие истинность и необходимость именно этой «исторической» фазы, сменяется характер государственной власти, но человек, его духовная сущность, поступки, мотивации не изменяются» [6, с. 3]. При этом считается нормой, что каждый человек «всегда предпримет действия, которые обеспечат ему больше выгоды, чем ущерба» [7, с. 44]. Предвосхищение результата преступной деятельности в виде некой выгоды, наживы, собственности — чувство закономерное. «Собственническое чувство, — как утверждал Г. Спенсер, — имеет биологическую причину. Оно — в крови цивилизованного человека» [8, с. 25].

Человек — это полный комплект плюсов и минусов, которые проявляют себя в зависимости от обстоятельств. Антропологические установки, свойственные всем людям, едины вне зависимости от географического расположения, условий обитания и т. д. Тем самым при исследовании механизма преступной деятельности необходимо отталкиваться от общих гомологических признаков.

Причем также следует учитывать, что структурно-функциональный механизм преступной деятельности инвариантен. В этой части П. К. Анохин обнаружил уникальную «архитектуру» организации функциональных систем, где результат есть доминирующий фактор любой функциональной системы [9, с. 109].

Оригинальны относительно данного вопроса немецкие специалисты, которые организованную преступную деятельность видят в сознательной, добровольной, основанной на принципах разделения труда, запланированной на длительный срок совместной деятельности группы лиц, носящей противоправный характер и направленной на *получение как можно более высоких доходов* (курсив наш. — А. Л.) [10, с. 237].

По сути лишь признак противоправности отделяет криминальный бизнес от легального. Неслучайно указывалось, что организованная преступность есть криминальный бизнес на базе тайных деловых отношений, основанный на обычных принципах экономики с одной целью — *получение максимальных преступных прибылей* (курсив наш. — А. Л.) [11, с. 635].

На наш взгляд, для расширительного толкования видов экономических преступлений

(все преступные деяния, где противоправными способами получается прибыль) оснований достаточно — их объединяет капитальная закономерность: *системообразующей целью механизма деятельности является потребление неправомерного дохода*.

Здесь является принципиальной «архитектура» организации преступной деятельности в сфере экономики, представленная в виде гипотезы: среда функционирования определяет содержание функций механизма преступной деятельности, поскольку ее детерминанты практически всегда сильнее эвристики субъекта преступной деятельности. Весьма справедливо в этом плане выражение К. Р. Мегрелидзе о зависимости индивидуального опыта общественной мысли [12, с. 130].

Итак, первой научно-дидактической победой Школы явилась универсализация модели

механизма преступной деятельности в сфере экономики. Элементами ситуации определены: экономические условия деятельности предприятий; особенности технологических процессов; специфика документооборота; уровень развития контрольно-ревизионных служб и гласности; время совершения преступных действий. Все это указывает на универсализм механизма преступной деятельности [4].

Вторая научно-дидактическая победа — была решена классификационная проблема. Получен положительный ответ на вопрос о наличии универсальной классификации способов присвоения незаконно полученных доходов. В основу классификации легли в том числе приемы и способы создания резервов для хищения, предложенные М. К. Каминским [7, с. 149—153]. Нами данная классификация может быть представлена следующим образом (табл.) [4].

Таблица

Типовые способы совершения действий для формирования и неправомерного присвоения дохода («восьмерка»)

Производство и бухгалтерия		Бухгалтерия и касса	
1.	Нарушение технологии	5.	Материальный подлог
2.	Завышение объема выполненных работ (приписки)	6.	Интеллектуальный подлог
3.	Незаконные списания	7.	Нарушение учета и отчетности
4.	Пересортица	8.	Нарушение правил ведения кассовых операций

Для верной интерпретации представленной классификации необходимо учитывать ряд существенных положений.

Во-первых, любой из названных способов совершения действий может быть использован как в единственном числе, так и в сочетании с любыми иными способами.

Во-вторых, все способы совершения действий достаточно универсальны и не имеют жесткой «привязки» к конкретной сфере экономики [4].

Так, по представлениям Школы, в преступной деятельности необходимо выделять четыре фазы (стадии):

1. Сбор и оценка данных, на основе которых принимается решение о возможности и «рентабельности» совершения преступлений в создавшейся ситуации (обстановке).

2. Возможное изменение наличной ситуации, формирование преступной группы, корректировку

замысла, подготовку средств совершения преступления.

3. Реализация преступного замысла предусматривает присвоение товарно-материальных ценностей или (и) финансовых ценностей, их распределение между соучастниками.

4. Воспроизводство преступной деятельности: непосредственное расширение преступных связей, расширение масштаба преступных операций, совершенствование средств и процедур преступления [13, с. 211—213].

Всякое изучение преступной деятельности определяется реальными потребностями деятельности по выявлению и расследованию. Криминалистика отсекает все то, что не может быть полезно в целях выявления и расследования. Для научной школы принципиально методологическое правило: именно свойства объекта определяют методику работы с ним — закономерности преступной деятельности определяют

закономерности деятельности по выявлению и расследованию. Очевидно, прежде чем говорить о технологии выявления и расследования, необходимо знать технологию преступной деятельности, ее механизм. Познанный механизм преступной деятельности позволяет познать и механизм уголовно-процессуального доказывания.

Создание научной школы — не самоцель. Это предпосылка содержания обучения, хотя нужно различать собственно научную модель Школы и модель того, что можно и нужно преподавать. В ходе формирования научной модели решались задачи:

— проведение мониторинга и диагностики исходного уровня исследования проблем теории и практики борьбы с преступлениями экономической направленности в существующих рамках технических, тактических и методических средств криминалистической науки;

— определение, оценка и корректировка общей и частной методологической парадигмы фундаментального и прикладного исследования;

— реализация пилотажных исследований проблем практики борьбы с преступлениями экономической направленности в рамках современных технических, тактических и методических средств криминалистической науки;

— обоснование классификации (типологии) криминалистических средств моделирования преступной деятельности в сфере экономики, а также криминалистических и уголовно-процессуальных средств расследования этого вида преступлений;

— разработку научно-практического подхода к исследованию механизма преступной деятельности в сфере экономики;

— подготовка оригинальной концепции общей (базовой) методики расследования преступлений в сфере экономики.

Впрочем, последняя из названных задач требует отдельного разговора. Тем более, что активное вовлечение уголовно-процессуальных средств в механизм доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики обуславливает не только изменение названия Школы, но и служит мощным «драйвером» для ее развития.

Список источников

1. Kriminalverbrecher BDR // Die Polizei, 1988. № 8. Pp. 237—238.
2. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
3. Волков А. М., Микадзе Ю. В., Солнцева Г. Н. Деятельность: структура и регуляция. Психологический анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 216 с.

4. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. Н. Н., 1995.

5. Опарин Н. Б. Типичные способы хищения социалистического имущества в торговле и на предприятиях общественного питания. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт [ВНИИ] МВД СССР, 1982. 49 с.

6. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. М.: Наука, 1995. 415 с.

7. Каминский М. К. Криминалистическая характеристика латентных хищений государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Тр. ГВШ МВД СССР. Горький: ГВШ МВД СССР, 1976. Вып. 6. С. 149—153.

8. Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. 752 с.

9. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: Прогресс, 1975. 300 с.

10. Лубин А. Ф. Из мирового опыта борьбы с финансовым мошенничеством // Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. Н. Н., 1995. С. 384—390.

11. Макаркин Н.П. Университет на стыке веков. М.: Издат. Дом Рос. акад. образования, 2003. 340 с.

12. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Изд-во ЛКИ, 1973. 488 с.

13. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Н. Н.: Нижегородская академия МВД России, 2018.

References

1. Kriminalverbrecher BDR. *Die Polizei*, 1988, no. 8, pp. 237—238.
2. Anokhin P. K. Philosophical aspects of the theory of a functional system. Moscow: Nauka Publ., 1978. 400 p. (In Russ.)
3. Volkov A. M., Mikadze Yu. V., Solntseva G. N. Activity: structure and regulation. Psychological analysis. Moscow: Moscow University Publ., 1987. 216 p. (In Russ.)
4. Criminalistics: investigation of crimes in the sphere of economy: textbook / ed. by V. D. Grabowski, A. F. Lubin. N. Novgorod, 1995. (In Russ.)
5. Oparin N. B. Typical ways of theft of socialist property in trade and public catering enterprises. Moscow: All-Union scientific-research Institute [Institute] MVD of the USSR Publ., 1982. 49 p. (In Russ.)
6. Kaitukov V. M. Evolution of dictate. Moscow: Nauka Publ., 1995. 415 p. (In Russ.)
7. Kaminsky M. K. Criminalistic characteristics of latent thefts of state and public property, committed by appropriation, waste, abuse of office. Legal and socio-

economic sciences and the fight against theft of socialist property. Tr. Main High School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Gorky: General High School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1976. Issue 6. Pp. 149—153. (In Russ.)

8. Forensic science: information technology of evidence. Textbook for universities / ed. by V. Ya. Koldin. Moscow: Zertsalo-M Publ., 2007. 752 p.

9. Kuhn T. The structure of scientific revolutions / transl. from English. Moscow: Progress Publ., 1975. 300 p. (In Russ.)

10. Lubin A. F. From the world experience in combating financial fraud. *Criminalistics: investigation of economic crimes*, N. Novgorod, 1995, pp. 384—390. (In Russ.)

11. Makarkin N.P. University at the turn of the century. Moscow: Russian Academy of Education Publ., 2003. 340 p. (In Russ.)

12. Megreldze K. R. The main problems of the sociology of thinking. Tbilisi: LKI Publ., 1973. 488 p. (In Russ.)

13. Criminalistics: a course of lectures / ed. by prof. A. F. Lubin. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Ф. Лубин — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. F. Lubin — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.10.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 03.10.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.